Она положила рыбу перед дракончиком и пристально посмотрела на него. — Если ты попробуешь меня укусить или обжечь, я доделаю начатое шестом, — процедила она, стараясь, чтобы ее слова прозвучали угрожающе. Дракончик, словно поняв ее намерения, прошипел в ответ, но как-то несерьезно, бросая на рыбу хищный взгляд. — Хорошо.Она сняла с его морды намордник, и дракончик, словно пущенная из лука стрела, бросился на добычу. Астрид стояла неподвижно, сама не зная почему, и наблюдала за драконом, пока тот не отвлекся от скудной трапезы и не посмотрел на нее. Крошечный дракончик все еще дрожал, когти то втягивались, то вырывались из земли, вибрируя от неуверенности. Астрид вздохнула, тоже немного неуверенно. — Ну, давай, кыш. Держись подальше от Берка, и все будет хорошо. Не заставляй меня жалеть об этом, иначе я превращу тебя в ковер.Дракончик выпустил небольшую струю огня, едва достаточную, чтобы опалить землю перед собой, но все же заставив Астрид инстинктивно потянуться к топору и на долю секунды задуматься, о чем она вообще думала. Очевидно, дракончик пытался отвлечь внимание, потому что он беспомощно махал крыльями, пока не оказался в воздухе на высоте нескольких футов, издал несколько пронзительных криков, а затем рухнул обратно на траву, похоже, исчерпав все свои силы. Астрид не смогла сдержать смешок, когда дракончик, казалось, уставился на нее, и бросила ему кусок вяленого мяса яка, который держала при себе на всякий случай, прежде чем направиться обратно в деревню. — Глупая рептилия. Держись подальше от деревни, слышишь?Она шла обратно к Берку, качая головой на себя и на эту глупую маленькую тварь. Она отказывалась признать, почему только что освободила одного из деревенских вредителей. Не потому, что сострадание и доброта Иккинга были для нее чем-то дорогим, и не потому, что у рыжего ужаса были очень знакомого цвета зеленые глаза. И даже не потому, что ей было жаль его, как и всех тех бессмысленных смертей, которые происходили с обеих сторон в гонке за выживание. Но одна мысль все же не давала ей покоя. Крошечная рептилия, даже избитая и полумертвая, пыталась улететь, и, если ее охотничьи ориентиры не совсем ошиблись, а они не ошиблись, она летела прямо в направлении ворот Хельхейма. Даже в таком состоянии, когда в нем почти не осталось энергии, дракончик пытался улететь обратно домой. В голове Астрид начала формироваться идея, наполовину похожая на чудовище, а наполовину — на последний штрих гения. Как только она вышла на главные улицы Берка, ее охватила деревенская суета и заботы, и ежедневная рутина и столько работы увлекли ее за собой, пока она не вернулась в комнату на чердаке, обессиленная, забравшись под меха на кровати, которая когда-то принадлежала Иккингу. Тогда к ней вернулась идея, чуть более стройная, чем прежде, после дня, проведенного в соках задворков ее сознания, и ей приснились ужасы, привязанные к мачтам кораблей, тянущие их к триумфу или гибели. Стоик просыпался каждое утро, готовый сразиться с миром или умереть. Или так он просыпался раньше, когда его дом был менее тихим, а жизнь менее пустой. Теперь же он просыпался от приятного запаха еды, насыщенного дня, ожидающей его деревни и большого количества костей, которые еще предстоит перебрать их гостям-рептилиям. Этого было бы достаточно, чтобы наполнить жизнь любого человека до краев, но в жизни Стоика все еще оставалась большая дыра в форме Иккинга, которая не заполнялась, что бы он ни делал. Когда Астрид переехала к нему, домик, по крайней мере, перестал напоминать похоронный корабль, поглощающий его целиком в своей пустоте. Она делала все, что от нее требовалось, в меру своих способностей, хорошо готовила, содержала дом в чистоте, чего Иккинг просто не мог иметь в силу того, что целыми днями пропадал дома, как его отец. Он практически удочерил ее, а жители Берка были еще свежи в памяти с образом Иккинга Многообещающего, который отправился на поиски героя, чтобы показать себя героем, поэтому они не задавались вопросом о странной договоренности. В конце концов, браки в любом случае имели мало общего с волей жениха. И все же Стоик никак не мог избавиться от пелены тишины, опустившейся на его жизнь, словно кто-то накинул невидимое одеяло из медвежьего меха на весь шум. В Берке по-прежнему кипела деятельность, крики, звонки и взрывы каждого дня с его людьми и вредителями, но почему-то мир был тише. Возможно, это меланхолия, подумал он однажды ночью, наблюдая, как Астрид ухаживает за

своим оружием с помощью промасленных тряпок и точильных камней. Именно это, домашний уют двух воинов, рассказывающих о своих дневных победах и недостатках, он всегда хотел разделить с Иккингом. Сейчас это казалось такой нелепой идеей, ведь Стоик мог сидеть и точить оружие с кем угодно на Берке, но только Иккинг мог разбросать повсюду чертежи самых странных приспособлений, набросать все, что попадалось ему на глаза, и сделать жизнь такой непредсказуемой и интересной. Его сын был человеком уникального таланта, и эта уникальность приводила Стоика в ярость, когда рядом был Иккинг. И все же теперь, пять лет тихого дома и однообразия заставили его жалеть о безумных идеях сына, его энтузиазме и неудачных попытках помочь. Стоик как никогда желал, чтобы кузница взорвалась не только от нападения дракона; чтобы на столе вокруг пергамента, испещренного каракулями, лежали недоеденные фрукты и надкусанный хлеб; чтобы, поднимаясь по лестнице, он все еще мог увидеть лежащую на подушке пушистую голову, а не белокурую. Это был почти урок богов: то, что он больше всего ненавидел в своем сыне, было и тем, по чему он больше всего скучал. Астрид поднесла свой топор к свету, повертела его, чтобы поймать отблеск пламени, затем удовлетворенно вздохнула и положила его обратно на крючки. Она не пользовалась этим топором уже два года, несмотря на то, что хранила его в первозданном виде, и Стоик никогда не спрашивал почему. Как только точило было убрано, на ее колени легли инструменты для выстругивания, и еще один кусок дуба превратился в маленькую фигурку Мьёльнира. — Как прошло представление сына Ходдегарра сегодня утром? — спросила Астрид на полпути к своей задаче. Она подняла на него глаза и посмотрела на огонь, на котором весело булькал котелок, в котором кипело белье. — О, прекрасно. Чуть не разразилась драка. Видела бы ты дедушку Свенсена, который настаивал на том, чтобы малышку назвали свирепым Одегаром.Он рассмеялся, наслаждаясь смехом Астрид. — Он должен заслужить свое взрослое имя, как и все остальные, — сказала она, несколько раз хихикнув, когда ее нож быстро расправился с дубом. Стоик с нежностью посмотрел на нее: она точно заслужила свое имя Астрид Верная. — Кроме того, Одегар Ходдегарр? Еще одна усмешка. — Как насчет тебя, целый день? — спросила Астрид, кивнув в знак согласия. — Хм, — ответила она, — после рейда и патрулирования я разбиралась с куриной проблемой Мульча. И… Стоик, у меня возникла мысль. Он поднял на нее взгляд; ее лицо было сосредоточенным, и она пристально смотрела на деревянную поверхность стола. — Если бы ты попал в плен и нашел способ сбежать, куда бы ты вернулся? — спросила она.Стоик мгновение смотрел на нее, размышляя над выражением ее лица и над тем, как ее пальцы перебирали дубовый кусок.— Что ты имеешь в виду? — спросил он.— Я имею в виду, если бы тебя схватили, и ты сумел бы сбежать, разве ты не вернулся бы домой как можно скорее? — Астрид настойчиво продолжила.— Я полагаю… — Стоик нахмурился. — Ты говоришь о… ты думаешь, что Хик…— Я обратила внимание на терров, — быстро сказала она, устраиваясь поудобнее, — и заметила, что в первые несколько дней, когда мы их привязываем, они все пытаются лететь в одном направлении, с цепями, натянутыми до предела. У меня нет сомнений, что они летят к гнезду. Выпрямившись, Стоик почувствовал, как по его спине пробежала волна холодного возбуждения. Все в Берке знали, что Стоик был одним из лучших вождей не только благодаря своей физической силе, но и благодаря острому уму. В конце концов, несмотря на то, что Вал был не промах, Иккинг унаследовал от отца более чем достаточно ума. Возможности того, на что она намекала, были… — Я хочу сказать, что если бы вместо столба на скале их привязали к мачте корабля? — Астрид закончила свою мысль.Он сглотнул. — Они привели бы нас прямо к гнезду, — прошептал он. Его кулак опустился на стол, заставив его задрожать, и Астрид вздрогнула. — Почему я никогда не думал об этом! Ха!Он быстро поднялся, потянулся за шлемом и уже почти вышел наружу, когда услышал, как Астрид кашлянула. Стоик моргнул, выглянул в дверь, которую уже успел распахнуть, и его встретила буря с градом, бушевавшая всю ночь. Весь Берк, конечно же, был в помещении, и Стоик быстро закрыл дверь, когда на него обрушились крупные шары льда. На задворках сознания он отметил, что они как раз вовремя укрыли осенний урожай. Он стыдливо обернулся к своей ближайшей невестке, которая стояла со сложенными руками и забавным выражением

лица.

http://tl.rulate.ru/book/92895/3050579